
ЕВРАЗИЙСКИЙ ВЗГЛЯД НА ИСТОРИОСОФИЮ

А.Е. Еремеев

Кафедра социологии
Факультет гуманитарных и социальных наук
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

В условиях идеологического вакуума, характерного для современной России, возникает интерес к различного рода идеологическим конструктам в попытках разрешить вопрос о самоидентификации и выработать ориентиры, коим стоит следовать во внутренней и внешней политике. В статье подвергается теоретическому осмыслению философское и научное наследие классиков евразийства.

Ключевые слова: евразийство, идеология, историософия.

Евразийство — это одно из основных идеологических течений в России, цель которого состояла в том, чтобы найти ответы на вопросы о собственной идентификации, которые задавали себе русские люди начиная с конца XVIII в. Мысль о близком родстве России с неевропейскими мирами в нашей стране не только философская или историографическая декларация, но и одно из основных направлений русской художественной литературы, евразийским умонастроением в той или иной степени пронизаны работы историков, ученых-естествоиспытателей, государственных и политических деятелей.

Евразийское учение утверждало, что Евразия, являясь миром географическим, как бы предназначена к созданию объединенного государства, а единство это реализуется только в конкретном историческом процессе. Евразийцы предлагают России обратить сосредоточенный взгляд на себя и свою историю. Подвергая сомнению традиционное разделение русской истории на три этапа — киевский, московский и петербургский, евразийцы приводят периодизацию истории, которая выражается в понятии «ритм». Ритм всегда является носителем одновременно территориальной реальности и идеи: «историческое самосознание народа есть в значительной степени осознание исторической и органической цельности своего месторазвития» [1]. Русско-евразийская история разделялась на пять этапов, ритмов, каждый из которых включал в себя единое государство, а затем его раздробление, это история двойного движения *лес-степь*: «благодаря преобладанию то сил центростремительных, то сил центробежных, процесс создания и жизни государственных образований на территории Евразии принял характер периодической ритмичности» [1].

История Евразии — это история взаимодействия леса и степи, взаимодействия, отмеченного главенством степи, и эта зависимость лесных культур от кочевнического влияния еще более увеличивает их внутреннее сходство. Начало евразийской истории, евразийство, относили к скифам и сарматам, которые были расположены между Дунаем, Киевом, Черным и Азовским морями, они располагались на перекрестке путей, являлись срединным миром, что и определяет

самобытность Евразии. Кочевники, в свою очередь, служили связующим звеном между Китаем, персидским миром и греческим миром. Славяне не располагали никакой самостоятельностью и находились в слиянии с финскими народностями, последовательно переходя под владычество аваров и хазар во время их первого продвижения из леса в степь. Так образовалось слияние тюркских кочевников с восточными славянами.

В своем видении исторического процесса развития России евразийцы подвергают радикальному пересмотру ряд исконных трактовок исторических фактов, характерных для классической историософии. Наиболее ярким примером можно считать пересмотр исторической роли Киевской Руси как базиса, на основе которого развилась Великая Российская империя: «потому-то из Киевской Руси и не могло развиваться никакого мощного государства, и представление о том, будто бы позднейшее русское государство есть продолжение Киевской Руси, в корне неправильно» [3]. Данное утверждение обосновывается евразийцами, во-первых, тем, что территория Киевской Руси даже приблизительно не соответствует территории Российской империи ни по масштабам, ни — что куда более важно — по исторической судьбе. Задача Киевской Руси была принципиально иной, она вытекала из специфики той территории, на которой располагалась: бассейн трех рек, составляющих основу пути «из варяг в греки». Каждое государственное образование способно развиваться и процветать только в случае успешного выполнения своей исторической миссии: «всякое государство жизнеспособно лишь тогда, когда может осуществлять те задачи, которые ставит ему географическая природа его территории» [5]. Только в этом случае государство сможет управлять политическими процессами в своем регионе и обретет статус регионального лидера, коим, к сожалению, Киевская Русь не обладала.

Сильные в военном экономическом и культурном плане соседи Хазарского государства в низовьях Волги и на Дону и Болгарского в среднем течении Волги и по Каме зачастую превосходили Киевскую Русь. Поскольку Киевская Русь не могла эффективно исполнять свою историческую миссию на юго-восточных рубежах на пути к Каспийскому и Черному морям, где господствовали кочевники, постоянно совершающие налеты на пограничные русские земли и препятствующие безопасной торговле, решить степную угрозу Киевской Руси так и не удалось. Это вело и к усугублению внутривнутриполитических проблем; отсутствие возможности чувствовать себя частью единого государственного целого, а также постоянная борьба за власть сделали Киевскую Русь беззащитной перед внешними вызовами. «Итак, ясно, что не только фактически из Киевской Руси не возникла современная Россия, но что это было даже и исторически невозможно. Между Киевской Русью и той Россией, которую мы теперь считаем своей родиной, общим является имя „Русь“, но географическое и хозяйственно-политическое содержание этого имени совершенно различно» [5]. Первые столкновения с воинами Чингисхана, битва на реке Калке красноречиво продемонстрировали неспособность раздробленного государства дать отпор хорошо организованным и обученным войскам противника. И последующее нашествие войск Батыея привело к завоеванию земли русской, которая оказалась под татарским игмом. Тем не менее

данный исторический факт евразийцы склонны были интерпретировать если и не как абсолютно положительный, то уж точно как наиболее желанный из возможных.

Исходя из принципа географического детерминизма, представляя большую часть континента Евразии как единую территорию, в рамках которой должно существовать лишь одно государство, евразийцы полагали, что и в географическом, и в культурном, и в судьбоносном плане базисом, на котором развилась Великая Российская империя, следует считать не тот клочок земли, который назывался Русью, а империю Чингисхана. «Некоторые части прежней императорской России, присоединенные в послепетровскую эпоху: Финляндия, Польша, Балтийские провинции, — в монархию Чингисхана не входили; но они и отпали от России, так как исторической, естественной государственной связи у них с Россией не было. Другие области, случайно не входившие в состав монгольской монархии, но, естественно, по своей географической или этнографической природе связанные с этой монархией и присоединенные к прежней России, удержались в СССР, и если некоторые из них (например, Бессарабия, польские кресы) теперь отторгнуты, то это есть явление временное, и рано или поздно природа возьмет свое» [3]. Практически полное соответствие границ двух империй может служить одним из доказательств их судьбоносной преемственности: «в исторической перспективе то современное государство, которое можно называть и Россией, и СССР (дело не в названии), есть часть великой монгольской монархии, основанной Чингисханом» [2]. Монгольская империя представлялась евразийцам ключевым элементом русской и всеобщей истории, раскрывающим идеологию, смысл и миссию Евразии.

Одним из ключевых факторов, позволивших Российской империи раскинуться на безграничных просторах Евразии и занять в судьбоносном плане место империи Чингисхана, явилась та тесная культурная и политическая связь между русскими и тюрками, которая образовалась в результате монгольского ига. По выражению Г.В. Вернадского, монгольское иго не только способствовало отрыву русских земель от Европы, что само по себе, если учитывать отношения евразийцев к романо-германцам и католической вере, уже явилось благом, но и (что более важно) поставило землю русскую в теснейшую связь с Азией, Русь попала в государственную систему подлинно мировой монгольской империи. Крайне важно и то, что в религиозном аспекте Россия сохранила связь с другой империей, к началу XIII в. уже утратившей свое мировое значение, — Византийской.

Присоединение Руси к монгольской империи открыло для русских Восток, так, русские купцы активно торговали в Орде, неся свою культуру и православную веру. Русские войска вместе с монголами ходили в военные походы далеко на Восток (завоевание Кубилаем Южного Китая во второй половине XIII в.). Бесспорно, оказавшись под гнетом Орды, русские земли понесли как людские, так и финансовые потери (в виде дани монгольским ханам). Но главное — удалось сохранить свою культурную самобытность, поскольку, грабя города и накладывая дань, монголы насильственно не заставляли перенимать свою культуру, не требовали отказаться от веры предков, позволили следовать своим традициям. Более того, православная церковь в результате пострадала куда меньше, чем прочие.

И не случайно именно в церковной среде и начали зарождаться очаги национального сопротивления, именно монастыри стали центрами сосредоточения русской духовной культуры

Во многом данное положение вещей стало возможным благодаря тому отношению к религии, которое существовало в монгольской империи. Чингисхан был не только великим завоевателем, но и человеком, сумевшим создать непревзойденную по своим масштабам империю, удержать под контролем которую было невозможно, используя исключительно опору на военную силу и принуждение. Чингисхан проявил себя как блестящий организатор, он руководствовался не сиюминутной выгодой, а принимал решения, основываясь на представлениях о глобальном порядке: «как типичный представитель туранской расы он неспособен был сам ясно формулировать эту систему в отвлеченных философских выражениях, но тем не менее ясно чувствовал и сознавал эту систему, был весь проникнут ею, и каждое отдельное его действие, каждый его поступок или приказ логически вытекал из этой системы» [3].

В основу принципа формирования организационной структуры монгольской империи было положено представление о нравственности. Верность, преданность и стойкость — вот те качества, которые больше всего ценил Чингисхан в своих поданных, презирая измену, предательство и трусость. Основываясь на интуиции и наблюдении, он пришел к выводу, что человек корыстный более всего ценит свое спокойствие и материальное благополучие, которые стремится сохранить любой ценой, и подчиняется только из страха перед возможностью потерять имущество, быть наказанным. Страх заставляет его пресмыкаться, и это становится мотивом всех поступков, делает человека послушным, но не верным. Страх потерять жизнь, имущество может толкнуть такого человека на измену, ибо в своем начальнике он видит прежде всего угрозу своему благополучию. Такие низменные натуры Чингисхан презирал и не только старался не допускать их к занятию важных постов в своей империи, но и истреблял их. Людей, кто свою честь ставят выше материального благополучия и выше жизни, Чингисхан крайне ценил. Он считал, что они подчиняются не из страха перед своим непосредственным начальником и даже не ему самому, а «ему как части известной божественно установленной иерархической лестницы; в лице своего непосредственного начальника он повиновался ставленнику более высоко стоящего начальника, являющегося, в свою очередь, ставленником еще более высокого начальника и т.д., вплоть до верховного земного повелителя, который, однако, мыслится тоже как ставленник, но ставленник не человека, а Бога» [3]. Предательство для таких людей невозможно, так как в жизни своей они руководствуются определенным моральным кодексом и нарушить его означает навеки покрыть себя позором: «они боятся не человека, могущего отнять у них жизнь или материальные блага, а боятся лишь совершить поступок, который может обесчестить их или умалить их достоинство, притом умалить их достоинство не в глазах других людей (ибо людских насмешек и осуждений они не боятся, как вообще не боятся людей), а в своих собственных глазах» [3].

Такие люди всегда религиозны, поскольку именно в вере они черпают силы для земных свершений, причем, как считал Чингисхан, не важно какую ре-

лигию исповедуют люди, главное, чтобы они ее исповедовали, т.е. Чингисхан был не безразличен к вопросам веры: «чтобы бесстрашно и беспрекословно исполнять свой долг, человек должен твердо, не теоретически, а интуитивно, всем своим существом верить в то, что его личная судьба, точно так же, как и судьба других людей и всего мира, находится в руках высшего, бесконечно высокого и не подлежащего критике существа; а таким существом может быть только Бог, а не человек» [3]. Следовательно, ценными для своего государства Чингисхан считал людей религиозных, он не навязывал какие-то конкретные формы проявления религиозных чувств, не устанавливал обряды или культы, не пытался обратить подданных в свою веру. В религиозном аспекте Чингисхан был приверженцем шаманизма, довольно примитивной религии, догматически совершенно неформальной. Таким образом, четко ощущаемая связь религиозности с так ценным им психологическим типом способствовала развитию различных религий в своей империи, отсюда и гуманное отношение к священнослужителям и храмам завоеванных народов, в противовес западным державам, которые, расширяя территории своего влияния на востоке, насаждали католическую веру на покоренных землях.

Итак, империя Чингисхана воплощала волю справедливого правления, основанного на религиозном, этическом и универсалистском идеале: «идеалом Чингисхана было создание Единого Царства Человечества» [6]. Такой идеал призывал народы Евразии обратиться к внутреннему познанию. Монгольская империя рассматривалась евразийцами также и как модель для политической и административной иерархии, где каждый знает свое место и человек является лишь винтиком в механизме государственной машины, что подтверждало неразрывную связь между социальной структурой, иерархизацией индивидов и религиозной природой власти. Монгольская империя, таким образом, подтверждала стремление евразийцев к идеократии, к власти, основанной на высших ценностях. Так, в политическом и религиозном смысле Монгольская империя смогла придать Московской Руси ее самобытность, раскрыть ее территориальную и идеологическую сущность. Пример Московской Руси представлял в евразийской мысли историческую разновидность этнографического учения, согласно которому «одновременно с русификацией туранцев происходила и некоторая туранизация русских, и от органического слияния этих двух элементов получилось своеобразное новое единое целое, национальный русский тип, по существу не чисто славянский, а славяно-туранский» [3]. Географическое и культурное единство Евразии подразумевало у евразийцев в политическом плане всеохватывающий строй: Евразийская историография призывала к осуществлению некоей органичности народов и государств, а также поиска национального единства.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Вернадский Г.В.* Евразия как географическая основа развития русского народа // <http://www.evraz-info.narod.ru/induk.htm>
- [2] *Савицкий П.Н.* Геополитические заметки по русской истории // <http://www.evraz-info.narod.ru/induk.htm>

- [3] *Трубецкой Н.С.* Взгляд на Русскую историю не с Запада, а с Востока // <http://www.evraz-info.narod.ru/induk.htm>
- [4] *Трубецкой Н.С.* Европа и человечество // Классика геополитики, XX век: Сб. / Сост. К. Королев. — М.: Издательство АСТ, 2003.
- [5] *Трубецкой Н.С.* Общеславянский элемент в русской культуре // <http://www.evraz-info.narod.ru/induk.htm>
- [6] *Хара-Даван Э.* Евразийство с точки зрения монгола // <http://www.evraz-info.narod.ru/induk.htm>

EURASIAN APPROACH TO HISTORIOSOPHY

A.E. Eremeev

Sociology Chair

Social Sciences and Humanities Department

Peoples' Friendship University of Russia

Miklukho-Maklai str., 10a, Moscow, Russia, 117198

In the context of ideological vacuum typical of contemporary Russia there is an increasing interest in various ideological constructs amid the endeavours to cope with the problem of self-identification and elaborate landmarks to head for in home and foreign policy. The article challenges the reader to the theoretical apprehension of philosophical and scientific heritage of the classics of Eurasianism.

Key words: Eurasianism, ideology, historiosophy.